

Глава 4. Русско-китайский союзный договор 1896 г.

Специальных исследований, посвящённых истории русско-китайского договора 1896 г., в российской историографии нет, за исключением небольших статей Г.В. Ефимова и А.А. Волоховой¹. Тем не менее, вопросов, связанных с его заключением, касались многие исследователи, в том числе такие известные как Б.А. Романов, Ф.А. Ротштейн, В.М. Хвостов². А.Л. Нарочницкий, уделивший более места, чем кто бы то ни было из советских историков, политике России на Дальнем Востоке в первой половине 1890-х гг. в своей фундаментальной монографии, остановился на 1895 годе, не дойдя до заключения русско-китайского договора³. В общих исследованиях по внешней политике России путь к соглашению 1896 г. затрагивается лишь в общих чертах⁴. В англоязычной историографии значительное внимание договору 1896 г. уделили А. Малозёмов и Дж. Лензен⁵. Особо надо отметить PhD диссертацию И. Шульмана, защищённую в Колумбийском университете в 1967 г., в которой проанализирована внешняя политика Пекина кануна XX века⁶.

¹ Ефимов Г.В. История русско-китайского договора 1896 г. // Советское китаеведение. 1958. №2. С.23–38; Волохова А. К истории русско-китайского договора 1896 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №5. С.123–130.

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.101–116; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960. С.380–383; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.305–328.

³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С.643 и далее.

⁴ Игнатьев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С.134–140.

⁵ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.69–84; Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. University Presses of Florida, 1982. Vol.II. P.477–513.

⁶ Schulman I.J. China's Response to Imperialism, 1895–1900. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1967.

Основной причиной, подтолкнувшей две империи к союзному договору, стал корейский вопрос, оживившийся во второй половине 1880-х гг.⁷ На королевство, находившееся в вассальной зависимости от Китая, ещё с 1870-х гг. открыто претендовала Япония. Это создавало напряжение на Дальнем Востоке. В начале 1890-х гг. и Россия и Китай стремились к сохранению status quo в регионе, так как были слабы и мечтали лишь о защите собственных рубежей.

Вскоре и у Петербурга на Тихом океане появились новые интересы. Транссибирская магистраль, окончательное решение о строительстве которой было принято на рубеже 1880–1890-х гг., вызвала к жизни целый ряд различных предположений относительно её будущей роли и значения для России. В частности, у нового (с августа 1892 г.) министра финансов С.Ю. Витте вызревал план экономического проникновения в Китай и закрепления за быстро растущей российской индустрией дальневосточных рынков. Сначала это были его личные амбициозные замыслы, до того времени, пока они стали определяющими во внешней политике России, прошло несколько лет.

Первоначально С.Ю. Витте не помышлял о дружбе с Китаем. Вместо этого он в начале 1893 г. поддержал записку «доктора тибетской медицины» П.А. Бадмаева и представил её императору Александру III⁸. В ней утверждалось, что цинская власть в Китае непрочна, что империю ждёт скорый распад под прессом народно-освободительного движения и что Россия должна этим воспользоваться. Пока речь шла о негласной поддержке правителей неханьских народов и о возможном строительстве ветки от Сибирской магистрали в центр Китая, для чего было необходимо согласие «шатающегося», по мнению П.А. Бадмаева, пекинского трона. Однако всерьёз эту тему никто не разрабатывал, а предложения «доктора тибетской медицины» так и не стали политикой России: уж слишком непрофессионально и авантюристично они выглядели.

Помимо осторожной позиции официального Петербурга и амбиций молодого министра финансов, существовал и другой аспект интереса к Китаю, связанный с техническими вопросами строительства Сибирской железной дороги. Трассу за Байкалом следовало вести вдоль Амура, по горным хребтам, с прокладкой многочисленных длинных тоннелей в горах, что требовало больших затрат. Планы её спрямления по территории китайской Маньчжурии возникли ещё во второй половине 1880-х гг. и принадлежали они вице-адмиралу Н.В. Копытову⁹. Однако вскоре обстановка на всём Дальнем Востоке значительно изменилась.

⁷ Подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁸ Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке 13 (25) февраля 1893 г. // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.49–75.

⁹ Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

Хрупкое спокойствие в регионе взорвала японо-китайская война 1894–1895 гг., вспыхнувшая из-за Кореи. Срединной империи, не способной противостоять в военном отношении Стране восходящего солнца, требовался стратегический союзник. В китайском руководстве существовало два течения. Одно из них было склонно искать союза с Англией. Другое, более многочисленное и влиятельное, пользовавшееся поддержкой императрицы Цыси, обратило свой взор в сторону России. Они не идеализировали Петербург и его политику. Уже сам факт сооружения Сибирской железной дороги до границы с Китаем вызывал там опасение, что Поднебесной империи «придётся расстаться с мирной жизнью на границе». На эти мысли китайских авторов наталкивало торопливое сооружение магистрали, не считаясь с затратами, и отсутствие реальных надежд на её скорую окупаемость. Кроме того, агрессивная политика России по отношению к Турции на протяжении всего XIX века давала повод для аналогий, что дорога станет для Петербурга средством мощной экспансии в Китай, и этот вывод был в принципе верен¹⁰. Тем не менее, как выразился Ли Хунчжан, Россия являлась для Китая одновременно крупнейшим другом, заинтересованного в добрых отношениях на Дальнем Востоке, и крупнейшим врагом, который желал господствовать в империи Цинов¹¹.

Ещё до начала военных действий, когда корейский вопрос только обрёл остроту, Пекин обратился за поддержкой к Англии, однако Лондон обусловил своё посредничество рядом гарантий в отношении Кореи¹². Одновременно чилийский генерал-губернатор Ли Хунчжан, который ведал корейской политикой более десяти лет, 8 июня 1894 г. вступил в переговоры в Тяньцзине сначала с К.И. Вебером, замещавшим российского посланника, а затем и с вернувшимся 20 июня из отпуска А.П. Кассини. Ли Хунчжан до такой степени стремился вовлечь Россию в корейскую проблему, что даже предложил Петербургу послать войска в Корею. Разумеется, столь «выгодное» предложение принято не было. Однако А.П. Кассини сразу же верно расценил ситуацию как агрессию Японии в Корею (его коллега М.А. Хитрово в Токио не сразу поверил в это) и проявил заинтересованность в предотвращении японо-китайской войны, пообещав поддержку¹³. В китайской историографии даже бытовала версия, что Ли Хунчжан и А.П. Кассини сразу договорились о совместной защите Кореи. Правда, никаких конкретных подтверждений этому не приво-

¹⁰ Сибирская железная дорога с китайской точки зрения // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LV. СПб., 1894. С.113–115.

¹¹ *Memoirs of the viceroy Li Hung Chang*. L., 1913. P.123; Schulman I.J. *Op. cit.* P.137–140.

¹² История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.305.

¹³ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.73–76.

дилось¹⁴. Более достоверно позицию России выразил Дж. Лензен: Петербург был против посылки китайских войск в Корею, но с удовольствием согласился бы посредничать между Пекином и Токио в корейском вопросе¹⁵. Возможно, что посланник пошёл в своих обещаниях несколько далее, чем следовало бы. А.П. Кассини вообще не сочувствовал политике российского МИДа на Востоке, считая её слишком уступчивой и слабой, и преклонялся перед методами Великобритании: ставить всех перед свершившимися фактами¹⁶. «Умный, хитрый и вкрадчивый», хлебосольный, любивший роскошные приёмы, «блеск и треск»¹⁷, А.П. Кассини попал в пекинское дипломатическое захолустье, соблазнившись высоким (45 тыс. руб. в год) жалованьем, чтобы расплатиться с накопившимися долгами. Ему было необходимо добиться громкого успеха, что послужило бы трамплином для дальнейшей карьеры¹⁸.

Осторожные действия России в Токио и Пекине не принесли успеха, и японо-китайский кризис перерос в войну¹⁹. Китай сразу же потерпел ряд поражений, поэтому, несмотря на безрезультатность летних переговоров между Ли Хунчжаном и А.П. Кассини, их контакты продолжились. Ещё в конце сентября императрица Цыси отправила к генерал-губернатору Вень Тунхо, лидеру «партии войны», распоряжение подготовить проект союза с Россией²⁰. 22 октября 1894 г. российский посланник убеждал Ли Хунчжана в необходимости для Китая заключить мир с Японией, на что тот как будто соглашался. Уже на следующий день, 23 октября 1894 г. князь Гун, возглавивший цзунли-ямынь²¹, собрал в Пекине дипломатических представителей европейских

¹⁴ Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т.1. М., 1955. С.368, 394–396.

¹⁵ Lensen G.A. Op. cit. Vol.1. P.142–143. Впрочем, в посредничестве Петербург не собирался заходить слишком далеко, так, чтобы испортить отношения с Токио (Пак Б.Б. Указ. соч. С.87–88).

¹⁶ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С.45–46. Записи 2 и 3 марта 1894 г.

¹⁷ Коростовец И.Я. Воспоминания // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.3. Л.56.

¹⁸ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С.51–52; Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.303.

¹⁹ 24 июля 1894 г. А.П. Кассини получил указание вступить в соглашение с представителями других стран в Пекине, чтобы посоветовать китайскому руководству не требовать немедленного вывода японских войск из Кореи (Пак Б.Б. Указ. соч. С.84–85). Посредничество Петербурга не удалось в первую очередь потому, что в Токио решили воевать, если их ультиматум Китаю немедленно и во всём не будет выполнен (Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956. С.210–221).

²⁰ Schulman I.J. Op. cit. P.22.

²¹ Цзун-ли-ямынь – управление по иностранным делам, учреждённое указом китайского императора 19 января 1861 г., которому было поручено заведовать внешними сношениями Поднебесной. Управление представляло собой коллегию (до 11 человек) из сановников, каждый из них назначался богдыханом. Цзун-ли-ямынь походил на рос-

стран, сообщив им, что Китай хочет завершения войны с Японией, для этого он готов признать независимость Кореи и уплатить значительную контрибуцию²². Сам А.П. Кассини был уже настроен пессимистично, рисовал положение дел в Китае в самых мрачных красках, предрекая свержение династии Цинов и распад империи, и выступил против посреднической роли Петербурга (считая, что невмешательство свидетельствовало о бескорыстии России)²³.

Ещё меньше интереса к китайским просьбам проявилось в Петербурге. Большинство российского руководства полагало в тот момент, что «естественным» союзником России является Япония – именно в её портах зимовала тихоокеанская эскадра. С Китаем же имелось немало трений, поэтому казалось, что чем несговорчивый сосед был слабее, тем это лучше, поэтому поддерживать в войне следовало Токио²⁴. С.Ю. Витте ещё не сформулировал своё представление о том, какой должна быть политика России в Китае, и не проводил связи между активной экономической экспансией на Дальнем Востоке и участием России в завершении японо-китайской войны. На Особом совещании 9 (21) августа 1894 г. министр финансов подчеркнул, что его беспокоила не столько японо-китайская война, сколько вероятное вмешательство в события Лондона, «а потому нам следовало бы приготовиться дать отпор Англии в случае проявления её честолюбивых замыслов»²⁵. Ещё откровеннее он писал в конце сентября–октябре 1894 г. князю В.П. Мещерскому, с которым поддерживал доверительные отношения: «покуда нам нечего делать в корейско-китайском вопросе. Я думаю, что теперь мы не должны вмешиваться в это дело, покуда не вмешается Англия. А если она вмешается, то мы должны сделать диверсию не в Амурском крае и Тихом океане, а в Средней Азии. Если же Англия в эту войну не вмешается, то пусть японцы и китайцы себе деруться и мирятся. Наше время придет после, тогда когда ж[елезная] дорога дойдет из Петербурга до Владивостока»²⁶. Даже в конце 1894 г., когда во Владивостоке специальная комиссия Министерства финансов решала, как воспользоваться ослаблением Китая в ходе неудачной для него войны, предложения не шли далее частных вопросов: беспощинная

сийское Особое совещание, но в отличие от него действовал постоянно. Он был реорганизован в Вай-ву-бу (Министерство иностранных дел) 24 июля 1901 г. (Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910. С.89–90).

²² А.П. Кассини – в МИД 28 октября (9 ноября) 1894 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.90. Л.140–142; Фань Вэньлань. Указ. соч. С.396.

²³ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.140, 156–157.

²⁴ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.33.

²⁵ Журнал Особого совещания 9 августа 1894 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.65.

²⁶ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.195 об. – 196 об.

торговля в 50-вёрстной зоне будущей Сибирской железной дороги, специальные тарифы на часть китайского экспорта в Приморье, открытие русско-го банка в Ханькоу и некоторые другие²⁷.

В начале 1895 г. Пекин перешёл к более энергичным действиям, уже стремясь втянуть Россию в войну с Японией. Ради этого предлагалось уступить ей Синьцзян, разрешить судоходство по реке Сунгари и предоставить торговые права в Шаньси и Ханькоу²⁸. Автор плана – генерал-губернатор Нанкина Чжан Чжидун – полагал, что Китаю необходим союзник из числа великих держав и что лучше сразу посулить Петербургу несколько «магометанских городов» за поддержку против Японии, чем отдать их уже без всякой пользы после капитуляции²⁹. Позиция Чжан Чжидуна тем более симптоматична, что незадолго до этого он выступал за союз с Англией и был противником Ли Хунчжана³⁰. Вообще список сторонников прекращения войны к началу 1895 г. значительно удилинился³¹. Наконец Пекин решился: 13 (25) февраля 1895 г. товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин известил Николая II, что китайский посланник официально попросил Россию помочь его стране в переговорах с Японией³².

К этому времени российские официальные лица востеренулись, так как разгром Срединной империи стал уже совершенно очевиден. Пессимизм А.П. Кассини сменился размышлениями о том, что для ликвидации последствий войны Китаю потребуется заём в 300–400 млн. лан и что этим можно будет воспользоваться для получения ряда уступок, в том числе концессии на железную дорогу в Маньчжурии³³. Кажется, посланник впервые написал об этом в Петербург в начале 1895 г. Мне не удалось обнаружить никаких официальных инструкций из российского МИДа, которые предписывали бы дипломату ставить вопрос о железной дороге. Остаётся предположить, что идея трассы в Маньчжурии как уступки Китая за будущую помощь Рос-

²⁷ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.669. Тем не менее, среди строителей Сибирской магистрали уже в это время крепла уверенность, что «вопрос о постройке Круглобайкальского и Амурского участков откладывается на очень дальний срок» (РГИА. Ф.265. Оп.2. Д.622. Л.311), а П.А. Бадмаев распространял слухи, что часть дороги пройдёт по территории Китая (Там же. Л.358).

²⁸ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.24.

²⁹ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ (Тайная история современного Китая. Токио, 1907). Перевод П.Ф. Александровича // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.255; Schulman I.J. Op. cit. P.134–135.

³⁰ Фань Вэньлань. Указ. соч. С.390.

³¹ Фань Вэньлань. Указ. соч. С.423; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.488.

³² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3053. Л.47–48.

³³ А.П. Кассини – в МИД 8 (20) января 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.9–14.

сии являлась его собственной комбинацией. Возможно, что главной целью он ставил получение незамерзающего порта, о чём давно, ещё с 1880-х гг., мечтали моряки, но несомненно, что русский дипломат совершенно не помышлял об экономической экспансии. Интересно, что в Поднебесной считали, что планы строительства железной дороги в Китае появились у России именно в начале 1895 г. Действительно, в феврале 1895 г. посланник вновь вступил в переговоры с Ли, однако пока был осторожен и ничего конкретного не обещал. Своему собеседнику, находившемуся почти в отчаянном положении, он ответил, что Россия готова вмешаться лишь в случае, если война затронет её существенные интересы³⁴. Китайский историк Лян Цичао, упоминая встречу Ли Хунчжана и А.П. Кассини перед отъездом вице-короля в Симоносеки* для заключения мира, сообщил, что дипломат обещал содействие России в сохранении территориальной целостности Китая. Взамен он якобы хотел заключить соглашение о военном сотрудничестве и получить концессию на железную дорогу и её военную охрану, но не до Владивостока, а на Ляодунский полуостров³⁵. В результате этих переговоров Ли Хунчжан «частным образом условился с Кассини». Соглашение сорвалось из-за протеста «общественного мнения» и отказа императора³⁶. Тем не менее, в будущем эта договорённость имела последствия³⁷.

Добиваясь более активного вмешательства России, Пекин направил в Петербург специальное чрезвычайное посольство. Оно получило аудиенцию у Николая II 6 (18) февраля 1895 г., вообще китайцы принимались в России «с поспешной услужливостью», по выражению В.Н. Ламздорфа. Уже тогда товарищ министра иностранных дел отметил заметное расхождение дипломатов и «недипломатических» сторонников союза с Поднебесной. Последним симпатизировал царь, выражавший сочувствие Китаю и соглашавшийся с доводом Пекина, что если Япония наберёт в Азии слишком большую силу, то это не должно оставить Россию безразличной³⁸.

³⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.683–684.

* Правильнее было бы писать – Шимоносеки.

³⁵ Лян Цичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905. С.190, 193–194. Лян Цичао – близкий друг лидера китайских реформаторов Кан Ювея, вместе с ним избежавший казни в сентябре 1898 г. и вынужденный покинуть Китай. Надо полагать, что он был хорошо информирован о политических событиях в Поднебесной.

³⁶ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ... Л.256.

³⁷ Осведомлённый современник И.Я. Коростовец полагал: «почва для московского соглашения была подготовлена так называемой конвенцией графа Кассини, <...> который обсудил и наметил с канцлером Ли Хунчжаном главные пункты будущего соглашения» (Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.12).

³⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.143–144. Запись 6 (18) февраля 1895 г.

Синхронно с А.П. Кассини и без согласования с другими ведомствами российское Министерство финансов приступило к разработке плана железной дороги в Маньчжурии, но всего лишь от Цурухайтуя до Благовещенска («северный» вариант будущего проекта КВЖД). В феврале 1895 г. С.Ю. Витте представил об этом записку Николаю II³⁹. Видимо, у министра финансов к этому времени сложилось более внятное представление о дальневосточной политике. Он уже начал зондировать почву в Китае, обратившись за помощью в этом к известному тяньцзинскому купцу А.Д. Старцеву. Купец передал С.Ю. Витте мнение «китайских мандаринов»: «лучше отодвинуть русскую границу [на] тысячу вёрст и иметь старого соседа, чем пустить на материк японцев». Сам А.Д. Старцев полагал, что содействие России заключению японо-китайского мира «даёт нам полное право проведения дороги Маньчжурией направление Никольск–Нингута–Цицикар–Цурухайтуй» и что надо действовать («настоящий момент считает очень удачным. Деньгах страшно нуждаются»). Последнее обстоятельство говорит о том, что торговец предполагал увязать заём Китаю и строительство дороги⁴⁰. С.Ю. Витте, кажется, разделял такой подход.

Резкий поворот в намерениях Петербурга произошёл чуть позже, весной 1895 г. и был связан с условиями Симоносекского мира. 17 апреля 1895 г. в японском городе Симоносеки было подписано мирное соглашение Китая и Японии, положившее конец войне 1894–1895 гг. Потерпевший поражение Пекин отдавал Токио остров Формозу (Тайвань), острова Пенхуледао, Ляодунский полуостров, признавал полную независимость Кореи и обязался уплатить контрибуцию в 200 млн. лан⁴¹. Россию особенно встревожила уступка Ляодунского полуострова Японии⁴². Ко времени Особого совещания 30 марта

³⁹ Второй черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 (19) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.31–32; Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.71; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.83.

⁴⁰ Макеев – С.Ю. Витте 25 мая (6 июня) 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.10.

⁴¹ Японо-китайский мирный договор 17 апреля 1895 г. // Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.94–98; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.314–318; Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956 и др.

⁴² Б.Б. Пак полагает, что вопрос о Ляодунском полуострове был тесно связан для России с независимостью Кореи (Пак Б.Б. Указ. соч. С.115). В доказательство этого она приводит резолюцию Николая II на телеграммах К.И. Вебера 13 (25) и 16 (28) июня: «Захват Кореи японцами ещё существеннее для нас, нежели занятие ими Лиантонг-

(11 апреля) 1895 г., когда стали известны требования Токио к Пекину⁴³, назначенный незадолго до этого министром иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский сформулировал цели России на Дальнем Востоке так: «приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Маньчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги»⁴⁴. Главным врагом Петербурга на Востоке виделась Англия, а возможным союзником – Япония. Естественно, что поставленные цели предполагалось достичь за счёт Китая⁴⁵. Однако на Особом совещании министр финансов решительно объявил основным противником России на Дальнем Востоке Страну восходящего солнца («враждебные действия Японии направлены главным образом против нас») и потребовал любой ценой не допустить её на континент, не останавливаясь даже перед тем, чтобы «начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты». С.Ю. Витте, уверенный, что раздел Китая произойдёт «в недалёком будущем», был готов уступить стране Восходящего солнца Формозу, «в крайности» – юг Кореи, «но только не Маньчжурию»⁴⁶. По-видимому, к этому времени у министра финансов в общих чертах созрела широкая геополитическая программа действий на Дальнем Востоке, рассчитанная на будущее доминирование России во всей Центральной Азии⁴⁷.

Возвращаясь к Особому совещанию 30 марта (11 апреля), надо заметить, что большинство его участников (прежде всего, военные) не поддержало радикальные рецепты министра финансов, решив, что Россия должна категорически настаивать на отказе Японии «от занятия южной части Маньчжурии». Если же Токио не прислушается к «совету», то Петербург оставлял за собой «свободу действий», что на дипломатическом языке означало неприкрытую угрозу войны. Российское руководство было настроено весьма решительно, Приамурский военный округ провёл в состоянии мобилизации 21 день, из европейской части России во Владивосток отправили большое

ского (Ляодунского – И.Л.) полуострова» (С.119). Я полагаю, что в основе протеста С.Ю. Витте находился всё-таки его собственный план экспансии на дальневосточные рынки, а интересы Кореи стояли на заднем плане. Царь же, не вполне понимавший суть дальневосточных дел, скорее всего, имел в виду, что в случае укрепления Японии в Корею России не удастся получить незамерзающий порт на корейском побережье.

⁴³ Их сообщил японский посланник в Петербурге Т. Ниши 9 (21) февраля 1895 г. (Игнатьев А.В., Мелихов Г.В. Указ. соч. С.135).

⁴⁴ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел 25 марта (6 апреля) 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.75.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Романов Б.А. Указ. соч. С.70–75.

⁴⁶ Журнал Особого совещания 30 марта (11 апреля) 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.78–83.

⁴⁷ Подробнее об этом см. главу I «Сибирская железная дорога и КВЖД».

количество военного снаряжения, которого, по утверждению приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, «при нормальном течении дел мы не получили бы в 5–10 лет»⁴⁸. То, что Россия собиралась воевать, показывает телеграмма Николая II А.Б. Лобанову-Ростовскому: «большая гора свалилась у меня с плеч по получении Вашей телеграммы о том, что Япония отказывается от Лихотонгского (Ляодунского – И.Л.) полуострова. Сколько жизней и жертв спасено»⁴⁹. Страна же восходящего солнца из потенциального союзника превратилась в главного противника России. Однако Николай II оказался не готов к столь резкой смене политики, поэтому он не утвердил журнал совещания, оставив его у себя. Тем не менее, сдвиг во взглядах произошёл. В первой половине апреля 1895 г. князь Э.Э. Ухтомский опубликовал в «Московских ведомостях» воинственную статью, в которой призывал руководствоваться правилом: Японии – «ни пяди земли, ни тени влияния на Азиатском материке». России, по его мнению, не следовало бояться вооружённого столкновения ни с ней, ни с Англией. На корректуре этой статьи осталась высочайшая оценка: «Хорошо»⁵⁰.

Не исключено, что за поворотом в российской политике стоял не только С.Ю. Витте, но и заинтересованное в нём китайское руководство. Как подметил А.Л. Нарочницкий, Ли Хунчжан на переговорах в Симоносеки был подозрительно настойчив в борьбе по частным вопросам (добился сокращения контрибуции с 300 до 200 млн. лан, отклонил статьи об открытии Пекина для иностранной торговли и об оккупации Мукдена, настоял на сохранении лица – внутренних пошлин), согласившись отдать Японии Ляодун (однако размер отчуждаемой территории ему всё-таки удалось уменьшить)⁵¹. Конечно, этому можно дать более простое объяснение: уступка Ляодуна являлась одной из основных статей, от которой Токио не отказался бы ни за что (также как, к примеру, от контрибуции). Но, возможно, что за действиями Ли Хунчжана стоял также и другой расчёт: поссорить Россию (может быть, и не только её) и Японию на вопросе о Ляодуне.

После того, как Петербург не только организовал коллективный демарш держав перед Японией, заставив Токио отказаться от Ляодуна, но и совместно с Францией предоставил заём Китаю для уплаты контрибуции в 230 млн.

⁴⁸ С.М. Духовской – М.А. Хитрово 22 июня 1895 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №363. Л.3.

⁴⁹ Телеграмма Николая II А.Б. Лобанову-Ростовскому 23 апреля 1895 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1017. Л.1. Ср. указание Н.Н. Обручева С.М. Духовскому, данное 3 мая 1895 г.: несмотря на «благоприятный оборот» японо-китайских переговоров, «Приамурский округ должен продолжать свою мобилизацию и привести войска [в] полную готовность к возможным действиям» (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №117. Л.121).

⁵⁰ РГИА. Ф.1072. Оп.2. Д.246.

⁵¹ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.639.

лан (30 млн. добавились за возвращение полуострова)⁵², активность российской политики в Поднебесной значительно усилилась⁵³. 1 (13) сентября 1895 г. С.П. Тыртов просил морского министра Н.М. Чихачёва выговорить у Китая право пользоваться для нужд русской эскадры в Тихом океане тремя бухтами, в том числе Киао-Чао (Цзяочжоу)⁵⁴. 6 (18) октября 1895 г. П.П. Тыртов переадресовал просьбу о Киао-Чао А.П. Кассини⁵⁵. Посланник обратился в цзун-ли-ямынь и получил согласие. Однако С.П. Тыртов неожиданно дал отбой⁵⁶, сообщив, что в Киао-Чао предполагается направить всего один корабль на несколько дней⁵⁷.

⁵² Подробнее об организации займа см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83. Однако автор изобразил участие в нём России как итог англо-русского соперничества и чуть ли не бескорыстную помощь Китаю (С.65). Скорее всего, англичане проиграли потому, что русско-французский консорциум мог не только предложить лучшие условия займа (невысокий процент), но и действовал весьма согласованно благодаря союзу двух стран в Европе. Лондону и Берлину было явно труднее договориться. Кроме того, из донесений А.П. Кассини из Пекина складывается впечатление, что английская дипломатия просто опоздала. По мнению российского посланника, его британский коллега Н. О'Конор совершал значительное количество ошибок: давал неверные оценки (он, к примеру, верил в успех китайского оружия в войне с Японией), инспирировал слишком много интриг, не обладая для этого хорошей и полной информацией (А.П. Кассини – в МИД 8 сентября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.203–205). Кроме того, начальник китайских морских таможен Р. Харт также не сразу вмешался в вопрос о китайском займе, отдав, таким образом, инициативу России (А.П. Кассини – в МИД 28 мая 1895 г. // Там же. Л.168–170). Он начал противодействовать русско-французскому займу со значительной задержкой, лишь в июне 1895 г. (А.П. Кассини – в МИД 27 июня 1895 г. // Там же. Л.177–182). Н. О'Конор утверждал в Пекине, что за организацию займа Россия потребует себе Порт-Артур как базу для флота и железную дорогу к нему (А.П. Кассини – в МИД 25 октября 1895 г. // Там же. Л.224–228). Однако он просчитался.

⁵³ Японцы даже заподозрили существование тайного русско-китайского соглашения. Согласно телеграммы, полученной из Шанхая, в Петербурге якобы было подписано тайное русско-китайское соглашение, по которому Китай уступает России часть Северной Маньчжурии за помощь в случае нападения японцев в Южной Маньчжурии (М. Муцу – Т. Ниши 19 апреля 1895 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.28. Ч.1. Токио, 1953. С.762). Однако посланник в Петербурге Т. Ниши не смог подтвердить это предположение (Т. Ниши – М. Муцу 23 апреля 1895 г. // Ниппон гайко буншо... Т.28. Ч.2. Токио, 1953. С.681).

⁵⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.787.

⁵⁵ Записка В.П. Череванского. Приложение II // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.322. Л.75; Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.788.

⁵⁶ Так как напряжённость на Дальнем Востоке в связи с действиями Японии, затягивавшей эвакуацию Ляодунского полуострова, спала (Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.788).

⁵⁷ А.П. Кассини – в МИД 20 ноября (2 декабря) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.237–241.

Тем не менее, 7 (19) ноября китайский посланник известил министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского, что Пекин предлагает для зимовки русской эскадры закрытый порт Чжуцу (южнее Вэйхайвэя), но с просьбой, чтобы при первой возможности была подыскана другая гавань⁵⁸. Российское руководство явно присматривало для себя незамерзающую гавань в Китае.

В это же время А.П. Кассини вновь вернулся к железнодорожному вопросу и обратился в цзун-ли-ямьнь 2 (14) октября с предложением продолжить Сибирскую железную дорогу до соединения с китайскими дорогами в Маньчжурии. Но ему ответили, что Китай предпочитает строить железные магистрали самостоятельно⁵⁹. Несмотря на то, что данных об указаниях из Петербурга на эту тему у меня нет, косвенно действия А.П. Кассини подтверждаются донесениями самого дипломата: осенью 1895 г. Ли Хунчжан явно в продолжение уже бывших разговоров рассуждал о выгоде соединения Сибирской железной дороги с китайскими⁶⁰.

Кажется, к тому моменту Петербург, наконец, твёрдо решил, что будет добиваться сооружения русской железной дороги по китайской территории. Однако детального проекта ещё не было. Удивительно, но разные ведомства действовали в этом вопросе разрозненно и помимо МИДа. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской на свой страх и риск, не поставив никого в известность, ещё в августе 1895 г. послал в Маньчжурию нескольких российских офицеров для обозрения маршрута будущей железной дороги. Китайцы, узнав о таком грубом нарушении правил ведения топографических работ на их территории, пожаловались А.П. Кассини, возник дипломатический скандал. Посланник находился в полном неведении, поэтому запросил Петербург «о преследуемых нами целях»⁶¹. Министерства финансов и путей сообщения с недоумением ответили на вопрос А.Б. Лобанова-Ростовского, что они не имеют к этим действиям никакого отношения⁶². Только Военное министерство признало, что это инициатива приамурского генерал-губернатора⁶³. Кроме того, в Маньчжурии тайно уже ра-

⁵⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.320. Запись 19 ноября 1895 г.

⁵⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.493.

⁶⁰ А.П. Кассини – в МИД 8 (20) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.259–264. Эти сведения подтверждаются С.М. Духовским, который в июне 1895 г. сообщал, что переговоры о русской железной дороге в Китае к тому моменту уже шли, правда, помимо него (С.М. Духовской – М.А. Хитрово 22 июня 1895 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №363. Л.5).

⁶¹ Телеграмма А.П. Кассини 27 сентября (9 октября) 1895 г. приведена в кн.: Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.284.

⁶² С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому 7 (19) октября 1895 г. и М.И. Хилков – А.Б. Лобанову-Ростовскому 18 (30) октября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1788. Л.10, 12–13.

⁶³ Там же. Л.11.

ботали партии геодезистов Министерства путей сообщения под видом учёных-исследователей⁶⁴. Лишь 23 октября (4 ноября) 1895 г. М.И. Хилков уведомил А.Б. Лобанова-Ростовского об отправке частным образом группы инженеров, чтобы провести изыскание возможных направлений железной дороги⁶⁵. Разумеется, министр путей сообщения делал это с согласия Николая II, которое он получил 12 (24) мая 1895 г. Но для внешнеполитического ведомства эта акция явилась большим сюрпризом.

Все эти многочисленные и не согласованные между собой действия не могли не оставить у Пекина впечатления ведущегося большого наступления на Срединную империю, которое предпринимают Россия и Франция, требуя уступок себе в качестве платы за организацию займа. Разумеется, это пугало китайцев и служило толчком для ответных действий.

28 октября 1895 г. англоязычная газета «Shanghai Mercury» неожиданно опубликовала известие о якобы подписанном в Петербурге китайским посланником соглашении с Россией о строительстве через Маньчжурию железной дороги до Владивостока. В этот же день другая шанхайская газета «North China Daily News» добавила к этому, что Россия получила от Китая право на аренду Порт-Артура на 20 лет для зимней стоянки русского флота и сооружения к нему ветки от Сибирской магистрали. Источник сведений у обеих газет был один – корреспондент «Times» в Гонконге⁶⁶. Известие сильно обеспокоило британскую прессу в метрополии и ведущие газеты (например, «Morning Post», October, 28) несколько дней обсуждали, насколько большие преимущества получит Россия перед Англией в случае завладения Порт-Артуром. К этой дискуссии подключилась также печать в Германии, Франции и Японии. Особо встревожились японцы. Т. Ниши сообщил в Токио о корреспонденции «Times» уже 26 октября⁶⁷. В Петербурге узнать что-либо на эту тему ему не удалось⁶⁸, в Пекине английский посланник Н. О’Конор ответил Т. Хаяши, что не верит газетным сообщениям⁶⁹. Однако японский представитель в Пекине доложил, что китайские торговцы видели русских в Маньчжурии, из чего он сделал в общем справедливый вывод, что соглашения, скорее всего, ещё не было заключено, но готовилось⁷⁰.

⁶⁴ Н.И. Гродеков – в МИД 20 октября (1 ноября) 1895 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.157; Романов Б.А. Указ. соч. С.84.

⁶⁵ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.282.

⁶⁶ Разумеется, А.П. Кассини тут же, 25 октября (6 ноября), сообщил эту телеграмму в Петербург (Симанский П.Н. Указ. соч. С.56).

⁶⁷ Т. Ниши – К. Сайонджи 26 октября 1895 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.35–36.

⁶⁸ Т. Ниши – К. Сайонджи 30 октября 1895 г. // Там же. P.48.

⁶⁹ Т. Хаяши – К. Сайонджи 2 ноября 1895 г. // Там же. P.54.

⁷⁰ Т. Хаяши – К. Сайонджи 6 ноября 1895 г. // Там же. P.61.

Несмотря на правдоподобность газетной информации, подтверждения ей не нашлось. 29 октября «Times» сообщила, что по сведениям из высокопоставленного британского дипломатического источника, такого договора между Россией и Китаем не существовало. Одновременно информационное агентство Reuter также заявило, что телеграмма его корреспондента из Гонконга 28 октября, на которую ссылалась английская пресса, была «абсолютно необоснована»⁷¹.

В Петербурге внимательно следили за развернувшейся газетной шумихой. Уже 13 (25) октября, как только появилось первое сообщение агентства Reuter со ссылкой на «Times» о русско-китайском договоре, оно сразу попало на стол В.Н. Ламздорфу. Руководство МИД (В.Н. Ламздорф и А.Б. Лобанов-Ростовский) решили воспретить его публикацию в России, чтобы вслед за этим не появились «неуместные разглагольствования». Министр также разослал российским послам в Берлине, Париже и Лондоне телеграммы, где объявил новость “Times” «вымышленной»⁷². А.Б. Лобанов-Ростовский и В.Н. Ламздорф подозревали, что информация происходила из Берлина, якобы желавшего захватить Вэй-хай-вэй. Вместе с тем, реакция российских дипломатов показала, что для них известие о якобы заключённом с Китаем соглашении оказалась совершенно неожиданным.

Кто же стоял за появлением этой странной информации? Содержание публикаций позволяет предположить, что она исходила из китайских источников, скорее всего, от противников сближения с Россией⁷³. По-видимому, это были высокопоставленные сановники, имевшие возможность собрать достоверные сведения об обращениях и просьбах А.П. Кассини, а также о настроениях в цзун-ли-ямыне. Проанализировав их, они составили пресловутый договор. Вряд ли авторы «соглашения» подозревали, что Россия ещё не сформулировала окончательно даже для себя цели в Китае. Разумеется, публикация носила упреждающий смысл: она адресовалась противникам Петербурга, прежде всего, Лондону, в надежде, что он сумеет умерить желания России.

Впрочем, не лишено оснований и подозрение, что за публикациями мог стоять сам Ли Хунчжан. Тому есть некоторые косвенные свидетельства. Так, 19 октября (1 ноября) 1895 г., уже после того, как в британской прессе прозвучали опровержения, Ли Хунчжан неожиданно сообщил А.П. Кассини, что

⁷¹ Тем не менее, российскому послу в Лондоне также пришлось сделать публичное заявление о живых слухах (Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.282).

⁷² Там же. С.270–271. Запись 13 (25) октября 1895 г.

⁷³ Впервые предположение, что сведения китайской прессы происходили «из недр цзун-ли-ямыня» высказал Б.А. Романов (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.44), однако он имел в виду статью, появившуюся 30 октября 1896 г.

Англия и Япония настаивают, чтобы Порт-Артур не передавался в аренду другому государству. Подтверждения такого обращения до сих пор не обнаружено в английских или японских источниках, поэтому А.Л. Нарочницкий предположил, что Ли Хунчжан просто врал, провоцируя Россию на протест и – соответственно – раскрытие собственных замыслов. Однако А.Б. Лобанов-Ростовский 23 октября (4 ноября) ответил А.П. Кассини, что Россия не имеет «никаких особых видов на Ляодунский полуостров»⁷⁴. Тем не менее, в конце октября Ли Хунчжан прямо спросил А.П. Кассини о намерениях Петербурга относительно полуострова и в ответ на уклончивые заверения посланника в неизменной дружбе сообщил ему, что Р. Солсбери предупредил китайского представителя в Лондоне о планах России превратить Порт-Артур в зимнюю базу для флота и соорудить железную дорогу к нему. А.П. Кассини, конечно, отверг все подозрения, заявив, что они являются блестящей ложью⁷⁵. Вряд ли его слова выглядели убедительно: не далее как в начале октября 1895 г. посланник командировал в Порт-Артур крейсер для осмотра состояния крепости⁷⁶. Это никак нельзя было объяснить простым любопытством.

Тем временем в Петербурге ещё активно продолжалось обсуждение того, что следует требовать от Китая. Министерство финансов сосредоточившись на железнодорожном вопросе, к концу 1895 г. решило добиваться южного направления трассы (от Читы до Владивостока)⁷⁷. 3 (15) октября С.Ю. Витте изложил эту идею императору, отвергнув бадмаевские планы сооружения дороги в центр Китая⁷⁸. 30 октября (12 ноября) 1895 г. министр финансов представил Николаю II уже обоснованный всеподданнейший доклад с планом железной дороги по Маньчжурии до Владивостока (1500–2000 вёрст). А.Б. Лобанов-Ростовский же считал подобную дорогу опасной: она, по его мнению, могла

⁷⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 782–783.

⁷⁵ А.П. Кассини – в МИД 25 октября (6 ноября) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.224–228.

⁷⁶ А.П. Кассини – в МИД 9 (21) октября 1895 г. // Там же. Л.217.

⁷⁷ Второй черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 (19) декабря 1895 г. // Там же. Д.1099. Л.31–32. Ещё в сентябре 1895 г., отправляя в Китай Д.Д. Покотилова агентом Министерства финансов, С.Ю. Витте предупредил его о возможном участии «в исходатайствовании концессии на постройку железной дороги через Маньчжурию» (Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 10 (22) февраля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.10. Л.35–36).

⁷⁸ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.688. С.Ю. Витте также ссылаясь на невозможность осуществления бадмаевских проектов из-за восстания дунган, вспыхнувшего в Западном Китае в феврале–марте 1895 г. и охватившего к лету несколько округов. Причиной волнений стало недовольство местного населения тем, что китайские власти вмешивались в дела самоуправления (Дунганское восстание 1895 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVII. СПб., 1896. С.158–164).

поколебать прочность Китая, стимулировать активность других держав там, особенно Англии, и без того желавшей доминировать на Жёлтом море. Поэтому внешнеполитическое ведомство России склонялось к её северному варианту – до Благовещенска⁷⁹. Идея союза с Китаем тогда никем не обсуждалась. Наоборот, в бумагах Министерства финансов с материалами, касающихся будущей КВЖД, соседствует проект секретного соглашения с Китаем, в котором речь идёт исключительно об уплате процентов по займу с использованием таможенных доходов⁸⁰. Именно такой договор предполагалось увязать с концессией на железную дорогу. То есть, приоритетной выглядела пара «займ–дорога», а не «союз–дорога».

Инициатива С.Ю. Витте совпала по времени с активными действиями Франции, которая также вознамерилась соорудить магистраль на юге Китая. Николай II, прочитав сообщение об этом А.П. Кассини, заключил: «Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку через Маньчжурию жел[езной] дор[оги] из Забайкалья прямо во Владивосток»⁸¹. С этого момента вопрос о русской трассе в Маньчжурии стал наконец частью официальной политики Петербурга.

18 (30) ноября 1895 г. министр иностранных дел, получив указание царя обсудить этот вопрос с министром финансов, поддержал идею С.Ю. Витте о необходимости скорейших переговоров с Китаем с целью получения концессии «частной компанией» для строительства и эксплуатации железной дороги от Читы до Владивостока на 80 лет, которая не увязывалась с соглашением о союзе. 21 ноября (3 декабря) Николай II утвердил доклад министра⁸². Уже на следующий день, 22 ноября (4 декабря), МИД отправил А.П. Кассини телеграмму с поручением немедленно вступить в переговоры с китайскими официальными лицами по поводу концессии⁸³. По-видимому, в эти дни

⁷⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 30 октября (12 ноября) 1895 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.91. Л.103–106. А.П. Кассини поддержал в этом вопросе министра финансов, полагая недопустимым строительство трассы Сретенск–Благовещенск с отчуждением отрезаемой дорогой части китайской территории. На депеше посланника сохранилась царская помета: «Верно» (А.П. Кассини – в МИД 16 (28) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.265–268).

⁸⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.3–5.

⁸¹ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.315. Запись 15 (27) ноября 1895 г.

⁸² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3053. Л.148–149. Текст записки – Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.327–328.

⁸³ Об этой телеграмме А.П. Кассини упомянул в донесении 8 (20) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.259–264). О поручении посланнику Министерство финансов сообщило Д.Д. Покотилову 22 ноября (4 декабря) 1895 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.20), который предлагал свои услуги: выступить перед китайским правительством с ходатайством от лица частного синдиката (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 ноября (1 декабря) 1895 г. // Там же. Л.18).

С.Ю. Витте подготовил и инструкцию посланнику для ведения переговоров. В ней также нашло отражение основное содержание будущего соглашения о сооружении КВЖД (строительство железной дороги должно быть представлено русской «частной» компании, «помощь» ей Министерства финансов, участие Китая в прибылях)⁸⁴. Однако в черновике документа министр обозначил цель как железную дорогу от Читы–Нерчинска не до Владивостока, а до побережья Тихого океана. То, что у С.Ю. Витте, вероятно, существовали подобные замыслы, находит подтверждение в донесениях поверенного в делах Англии в Петербурге, который от русских инженеров, проводивших изыскания в Маньчжурии, узнал, что Россия планировала строить железную дорогу от Сретенска до Цицикара, а оттуда предполагалось вести трассу по трём направлениям: до Порт-Артура, до Пекина и на Владивосток⁸⁵.

Однако через два дня, 24 ноября (6 декабря), МИД приказал А.П. Кассини приостановить переговоры для уточнения намерений русской стороны. Эти исправленные условия в виде проекта концессии на сооружение железной дороги «в пределах Китая по направлению от Читы к Владивостоку» были представлены С.Ю. Витте Николаю II 27 ноября (9 декабря) 1895 г. Скорее всего, что на формулировке о трассе «до моря» министр финансов решил не настаивать из-за осторожной позиции МИДа. С.Ю. Витте также получил согласие царя на использование взяток китайским сановникам как одно из главных средств достигнуть результата⁸⁶. И тут же – 29 ноября (11 декабря) 1895 г. – Комитет Сибирской железной дороги утвердил устав Русско-Китайского банка, призванного сыграть главную роль в освоении железнодорожной концессии⁸⁷.

⁸⁴ Черновик меморандума С.Ю. Витте для А.П. Кассини, б/д. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.53–64.

⁸⁵ Поверенный в делах в Петербурге У. Гошен – Р. Солсбери 27 февраля 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.103–104. 12 марта 1896 г. он уточнил эти сведения. Главной линией предполагалось сделать трассу от Цицикара до Даляньваня, второстепенной – до Владивостока, причём С.Ю. Витте якобы был против последней ветки (письмо 12 марта 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.155–156). Эти сведения англичанам косвенно подтвердил сам Николай II. В конце сентября 1896 г. во время визита в Англию царь встречался в Шотландии в замке Бальмораль с премьером Р. Солсбери и заявил, что Россия «пытается провести свою железную дорогу через Маньчжурию, но не имеет пока определённого плана относительно пункта, где она выйдет к морю» (Пономарёв В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х годов XIX века // Исторические записки. Т.99. М., 1975. С.349).

⁸⁶ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 27 ноября (9 декабря) 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.196. Л.1–3; С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому 28 ноября (10 декабря) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.10; Романов Б.А. Лихунчангский фонд // Борьба классов. 1924. №1–2. С.77–126.

⁸⁷ Подробнее см. главу 3 «Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.»

Посланник получил проект русско-китайского соглашения и меморандум к нему, составленные в Министерстве финансов, вероятно, уже в феврале 1896 г.⁸⁸ Речь шла о предоставлении концессии на строительство железной дороги в Маньчжурии частному обществу для реализации её за 6 лет, выделение для этого специальной полосы отчуждения, обязанность китайских властей охранять дорогу от разбойников. Точная трасса в соглашении не оговаривалась, предполагалось, что основные пункты будут установлены по соглашению китайского и русского правительств. За обществом признавалось преимущественное право сооружения веток вглубь Китая от основной трассы, если китайское правительство решит делать это. Пекин получал право выкупа дороги через 80 лет при выплате нарицательной стоимости акционерного (согласно доходности акций за последние 5 лет перед выкупом) и облигационного капитала, а также особых сумм, направленных на погашение акционерного капитала. С.Ю. Витте, составивший это условие для успокоения китайцев, был уверен, что у них не найдётся достаточно средств для осуществления этой операции⁸⁹.

В меморандуме, сопровождавшем проект, который также подготовили в Министерстве финансов⁹⁰, содержалась в основном аргументация для ведения переговоров в Пекине: как нужна эта дорога самому Китаю в интересах защиты от возможного нападения Японии и как трудно Поднебесной империи будет строить её самостоятельно. Существенным моментом явилось упоминание Владивостока как конечного пункта железной дороги. Текста союзного договора к эти документам не прилагалось. Возможно, ранг посланника, который имел А.П. Кассини, выглядел слишком низким для переговоров о столь важном документе, как это предположил Г.В. Ефимов⁹¹. Но более вероятен другой ответ: союзное соглашение России просто не было нужно. Только Пекин рассматривал его в жёсткой увязке с уступками, в том числе и железной дорогой в Маньчжурии. Петербург же стремился сосредоточиться на том, что он хотел бы получить за своё содействие Китаю.

Получив распоряжение и проект соглашения о дороге, А.П. Кассини в конце февраля 1896 г. начал зондаж почвы в Пекине⁹². Одновременно, по-видимому,

⁸⁸ Они были отправлены не обычной дипломатической почтой, а с тайным агентом МФ и МИД Г.Г. Гинцбургом (шифрованная записка к письму Д.Д. Покотилу 17 (29) декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.33).

⁸⁹ Проект концессии на постройку и эксплуатацию в Северо-Восточном Китае железной дороги от одного из пунктов на западной границе Хейлуцунзянской провинции до одного из пунктов на восточной границе Гиринской провинции, б/д. [не ранее 27 ноября (9 декабря) 1895 г.] // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.11–20.

⁹⁰ Там же. Л.21–30.

⁹¹ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.30.

⁹² Д.Д. Покотилу – П.М. Романову 20 марта (1 апреля) 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.39.

речь шла и о предоставлении России незамерзающего порта⁹³. Дипломат сразу столкнулся с серьёзными трудностями. Китайцы не хотели давать концессии на железную дорогу иностранной державе, заявляя о намерении самостоятельно строить магистраль. Их беспокоил не только факт появления русской железной дороги на территории Срединной империи, но и сам прецедент, после которого и другие державы могли начать требовать предоставления себе железнодорожных концессий. Поэтому чжилийский генерал-губернатор Ван Веньшао подготовил для богдыхана доклад о необходимости строительства китайской Маньчжурской железной дороги до Шанхайгуаня. Несмотря на то, речь пока шла только о сооружении первой очереди в 190 вёрст до города Далиньхэ, денег в пустой китайской казне не имелось даже на это, а сам доклад, скорее всего, предназначался для русских⁹⁴.

Тут же как нельзя более кстати для китайцев появился американский синдикат «American China Development Company» с капиталом в 1 млн. долларов, за которым якобы стоял ресурс в 250 млн. долларов (огромная для того времени сумма). Этот синдикат обещал связать Сибирскую железную дорогу с китайскими⁹⁵. Американцы казались преисполненными самых серьёзных намерений, но за известиями об этом проглядывал традиционный приём Пекина: столкнуть лбами потенциальных конкурентов. Однако все ухищрения Пекина не оказали большого влияния на намерения России.

Вероятно, столкнувшись с упорством Петербурга, противники соглашения с Россией опять призвали на помощь прессу. 3 марта 1896 г. китайская газета «North China Daily News» опубликовала большую статью «Секретный договор между Китаем и Россией», ссылаясь на некое письмо, посланное из Пекина в Шанхай⁹⁶. В ней получили развитие основные пункты, намеченные в публикациях октября 1895 г. Анонимный автор, беспокоясь об ущемлении китайского суверенитета, изложил содержание якобы уже заключённого между двумя империями секретного договора. Согласно ему, Китай в благодарность за помощь против Японии предоставлял России право пользоваться одной из своих гаваней – Порт-Артуром как в мирное время, так и в случае начала военных действий на Дальнем Востоке. Пока же, чтобы избежать осложнения

⁹³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.105–106.

⁹⁴ А.П. Кассини – в МИД 30 января (11 февраля) 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.114. Ч.1.

⁹⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.102–103; Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей 1895–1900. М.;Л., 1956. С.42–53.

⁹⁶ Эта газетная публикация упоминается в статье Г.В. Ефимова (Ефимов Г.В. Указ. соч. С.31) со ссылкой на кн.: Morse Н.В. The International relations of the Chinese Empire. Vol.III. The Period of Subjection 1894–1911. London, 1918. P.83. Однако в указанном издании лишь сообщается, что Ли Хунчжан **не подписал** конвенцию с А.П. Кассини и даётся сноска на другую газету «North China Daily Herald».

отношений с другими державами, Пекин предлагал Петербургу использовать для стоянки русского флота Киао-Чао. В случае возникновения реальной опасности русским рубежам Срединная империя была готова допустить на свою территорию российские войска, снабжать их всем необходимым, а также поддержать военные операции участием собственных вооружённых сил. Для подготовки 100-тыс. китайской армии предполагалось пригласить в качестве инструкторов несколько сот русских офицеров. Возможный враг в статье нигде не упоминался, но по смыслу понятно, что им могла стать только Япония.

Кроме того, России предоставлялась возможность построить железную дорогу через Хейлунцзянскую и Гириную провинции до Даляня или другой точки, выбранной Петербургом. Две страны имели бы совместное управление над магистралью, а через 15 лет Китай мог выкупить её целиком (очевидно, это подразумевало, что финансирование строительства осуществит исключительно российская сторона, но в «договоре» об этом ничего не говорилось). Железнодорожные статьи дополнялись рядом преимуществ для России по сравнению с другими иностранными державами в коммерческой деятельности в Маньчжурии. По сведениям автора письма, Ли Хунжан ехал в Россию на коронацию Николая II уже за ратификацией соглашения.

Похоже, что эта газетная публикация также оказалась скомпонована из набора различных вопросов, обсуждавшихся А.П. Кассини с китайскими официальными лицами. Однако это было не простое механическое объединение условий. В частности, жёсткая увязка уступок с заключением военного соглашения явно принадлежала Пекину. Неконкретность в определении возможного противника (на месте предполагаемой Японии нельзя исключить Англию) также не могла находиться среди русских условий (позднее попытка Китая добавить уже в настоящее соглашение Англию и Францию как потенциальных агрессоров встретила категорический отказ России). Также любопытно настойчивое упоминание в статье Порт-Артура и Даляня – эти пункты не фигурировали в русских проектах. Их появление могло преследовать другую цель – привлечь внимание Японии и поссорить Токио и Петербург. Разумеется, там сразу встревожились, но попытка получить более достоверную информацию ни к чему не привела⁹⁷. Т. Ниши опять не сумел добыть её ни в

⁹⁷ 7 марта 1896 г. посланник в Пекине Т. Хаяши получил распоряжение из Токио узнать подробности о ведущихся русско-китайских переговорах. Дипломат ответил два месяца спустя, ему удалось лишь установить, что русско-китайского договора не существует (К. Сайонджи из Токио – Т. Хаяши в Пекин 7 марта 1896 г. и ответ Т. Хаяши 10 мая 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.156–157). Это свидетельствовало, скорее всего, о том, что официальный Пекин не собирался допускать явных «утечек» информации про переговоры с Россией, что означало большую заинтересованность Китая в соглашении с Петербургом.

Петербурге, ни в Европе⁹⁸. Нелепо выглядела и статья о «помощи» китайской армии в случае конфликта России и Японии. Донесения военного агента в Китае К.И. Вогака во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. содержали крайне низкую оценку китайских вооружённых сил⁹⁹. Поэтому вероятнее всего, что и эта газетная кампания возникла вследствие интриг в Пекине. Версия, что «утечка» была организована английской прессой, выдвинутая в советской историографии, не имеет подтверждений¹⁰⁰.

В Пекине в это время сохранялось затишье. В официальные переговоры А.П. Кассини вступил только 6 (18) апреля 1896 г., передав князю Цину русские предложения¹⁰¹. Посланник уверял его, что железная дорога окажется выгодна не только России, но и Китаю, стимулируя его экономическое развитие¹⁰². Ответ Пекина был разочаровывающим: китайские сановники объявили, что они опасаются нового дела и возможной потери независимости, поэтому станут строить железную дорогу сами¹⁰³. Возможно, позиция цзун-ли-ямыня получила огласку в другой китайской газете – «Цзы-линь-си-бао», издававшейся в Шанхае, которая обнародовала иной вариант русско-китайского договора. Согласно ему, Китай обязался продолжить свою Маньчжурскую железную дорогу от Шанхайгуаня до Мукдена и Гирина по русскому стандарту. Только в случае невозможности осуществить это Россия получала концессию на самостоятельное строительство магистрали в Маньчжурии и её эксплуатацию в течение 10 лет, после чего Пекин имел право её выкупить. России также предоставлялся в аренду порт Киао-Чао, в случае войны российский флот мог использовать также порты Ляодуна¹⁰⁴. Всё это

⁹⁸ Т. Ниши – К. Сайонджи 5 марта 1896 г. // Там же. Р.134. В конце концов, в Токио решили, что соглашения всё-таки не существовало (К. Сайонджи – С. Аоки (Берлин) 13 марта 1896 г. // Там же. Р.148).

⁹⁹ «Полное невежество в военном отношении, крайняя пассивность и трусость начальников, покидающих войска при приближении опасности, отсутствие воинской подготовки и самых элементарных качеств солдата у нижних чинов, одержимых, по примеру начальников, одним желанием – как можно скорее исчезнуть с поля сражения – вот краткая, но истинная характеристика китайских войск» (Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака. XX. Хирошима 16 (28) марта 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Продолжение вып. LX. СПб., 1895. С.42).

¹⁰⁰ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.35.

¹⁰¹ А.П. Кассини – в МИД 9 (21) и 20 апреля (2 мая) 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.114. Ч.1. Л.45–46; 63–70; Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–81.

¹⁰² Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.495.

¹⁰³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–81. Дж. Лензен же считал, что А.П. Кассини был вежлив и сам предоставил (!) китайцам 12 дней для подготовки ответа (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.495; Schulman I.J. Op. cit. P.148).

¹⁰⁴ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ... Л.261–264. Схожие предложения Ли Хунчжан изложил сразу по приезде в Россию.

не соответствовало инструкциям из Петербурга, поэтому упорство цзун-ли-ямьня вызвало у А.П. Кассини приступ ярости: он жёстко разговаривал с министрами, грубо давил на них, угрожая союзом России с Японией¹⁰⁵. Но и такое поведение не возымело действия.

Положительных моментов после первого обмена мнениями было немного: Д.Д. Покотилов отметил, что китайцы не затягивают дело, а идут на предметную дискуссию, что оставляло надежды на положительный исход¹⁰⁶. В Петербурге, поразмыслив над случившимся, решили перенести основную тяжесть переговоров в Россию, воспользовавшись приездом специального посольства во главе с Ли Хунчжаном для участия в коронации Николая II¹⁰⁷. К прибытию китайского посланца С.Ю. Витте тщательно приготовился: на выезде из Суэцкого канала Ли Хунчжана встретил князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший его всю дорогу до Петербурга¹⁰⁸. В поездке в Петербург Ли Хунчжана сопровождали два сына, личный секретарь Ю Шимэй, три переводчика, пять секретарей, шесть иностранных советников, приглашённых для поездки из службы морских таможен, в том числе родной брат начальника службы Роберта Харта – Джеймс Х. Харт¹⁰⁹.

Поездка в Россию, а затем в Европу имела для Ли Хунчжана колоссальное значение. После подписания Симоносекского мира со слишком тяжёлыми, по мнению Пекина, условиями, сановник попал в немилость. Он утратил расположение императора, был лишён должности генерал-губернатора. А.П. Кассини даже решил, что карьера Ли Хунчжана на этом закончилась¹¹⁰. Только успех посольства давал опальному руководителю шанс вернуться к власти. В противном случае его политическая жизнь действительно завершилась бы (вторая неудача подряд).

Визит посланца Пекина сопровождался большим количеством интриг. В них против Ли Хунчжана оказались задействованы и некоторые российские подданные, находившиеся в Поднебесной. Пока посольство находилось в пути, военный агент в Китае К.И. Вогак в специально составленной для

¹⁰⁵ Цзун-ли-ямьнь – Ли Хунчжану в Петербург «20 числа 3-ей луны» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Р.1. Оп.1. №1. Л.266–267.

¹⁰⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 апреля (1 мая) 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.86–90.

¹⁰⁷ Назначение Ли Хунчжана главой посольства в Россию стало важным успехом А.П. Кассини, одержанным после трудных и продолжительных переговоров в начале 1896 г. (Соловьёв Ю.Я. Указ. соч. С.67; Ефимов Г.В. Указ. соч. С.30).

¹⁰⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. СПб., 2003. Кн.1. С.439.

¹⁰⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.494.

¹¹⁰ А.П. Кассини – в МИД 1 (13) сентября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.195–196.

самодержца записке доказывал, что Ли Хунчжану нельзя верить¹¹¹. Одновременно об этом же писал в Петербург из Пекина П.А. Бадмаев. Он пересказывал явно подсказанное ему решение: следует не добиваться концессии на железную дорогу в Китае, а наоборот, всячески тормозить сооружение магистралей в Срединной империи, а если уж вести переговоры о концессии, то до Нючжуана и далее на Ляодунский полуостров, а не Цурухайтуй–Порт По-сьет¹¹². Однако Николай II не дал хода этим инсинуациям, оставив на записке К.И. Вогака холодную резолюцию: «Со многими взглядами, высказанными в этой записке, не согласен».

Ли Хунчжан ехал в Петербург с предложением: Китай сам строит железную дорогу, но на русские деньги, по русским стандартам и под руководством русских специалистов¹¹³. Китайский посланец прибыл в Петербург 18 (30) апреля 1896 г. Сразу с вокзала в дворцовой карете Ли Хунчжан был доставлен в гостиницу «Европейская», где закрылся в номере и несколько дней не общался с другими дипломатами, в том числе и с соотечественниками¹¹⁴. Уже в день приезда С.Ю. Витте приступил к обсуждению с китайцем вопросов, касавшихся строительства русской железной дороги в Маньчжурии¹¹⁵. Переговоры происходили попеременно в здании Министерства финансов и у Ли Хунчжана. «Это будет скорее и меньше расхода и притом можно задержать наступательные действия Японии. Если Китай будет строить сам, то железная дорога и через 10 лет не будет готова», – убеждал своего собеседника министр финансов. Если же Китай не согласится на русские предложения, то Петербург станет сооружать магистраль до Нерчинска и «ждать удобного случая, но только с этого времени Россия не будет оказывать содействия Китаю»¹¹⁶. В основном

¹¹¹ Записка К.И. Вогака о посольстве Ли Хунчжана в Россию. Апрель 1896 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.1. Д.141. Л.2–8.

¹¹² П.А. Бадмаев – П.М. Романову 17 (29) апреля 1896 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.530. Л.4–6. Вероятно, противники Ли Хунчжана использовали П.А. Бадмаева, чтобы вызвать в случае удачи протесты Англии и Японии. Похоже, что, на их взгляд, интерес Китая состоял не в союзном договоре с Россией, а в организации столкновения Петербурга, Лондона и Токио.

¹¹³ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 11 (23) марта 1896 г. // РГИА. Ф.1072. Оп.2. Д.6. Л.1. Кажется, цзун-ли-ямынь несколько смягчил свою позицию по сравнению с той, которую услышал А.П. Кассини.

¹¹⁴ Н. О'Конор – Р. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.253–255.

¹¹⁵ Хотя их первая встреча, по свидетельству С.Ю. Витте, носила исключительно церемониальный характер (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.440–441).

¹¹⁶ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «21 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.267–268; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.441–442.

С.Ю. Витте повторил позицию, изложенную в Пекине А.П. Кассини и отвергнувшую цзун-ли-ямынем¹¹⁷. Ли Хунчжан в ответ воспроизвёл решение его правительства, что дорогу должен строить сам Китай¹¹⁸. Посланец Поднебесной приехал в Петербург также с намерением заключить союзный договор с Россией, С.Ю. Витте же интересовался в первую очередь концессией на железную дорогу. Это во многом определило содержание переговоров: договор отошёл на задний план, а дискуссия вращалась преимущественно вокруг железной дороги в Маньчжурии.

Несмотря на коренное расхождение в подходах, стороны перешли к обсуждению деталей. Ли Хунчжан уступил в ширине колеи (русская), но настоял на названии дороги – «Китайская восточная» (С.Ю. Витте предлагал – «Маньчжурская»), на ограничениях перевозки войск (только транзит). По требованию китайца был также сокращён срок, после которого Пекин имел возможность выкупить железную дорогу – с 80 до 36 лет. Правда, С.Ю. Витте считал эту уступку несущественной: министр финансов полагал, что Поднебесная империя не сможет сделать это и позднее. В вопросе о таможенных платежах был достигнут компромисс. С.Ю. Витте добивался их полной отмены для всех товаров, предназначенных для строительства магистрали (на самом деле речь, конечно же, шла о возможности беспрошленного провоза в Китай любого количества грузов неограниченной номенклатуры). В итоге договорились, что их ставку уменьшат на треть. Это вполне устроило министра финансов: даже такое послабление должно было «облегчить нашим товарам конкуренцию с иностранными товарами, ввозимыми в Китай морским путём»¹¹⁹. Он также завел разговор с Ли Хунчжаном о русской железной дороге к одному из портов Китая, но натолкнулся на жёсткое сопротивление китайца. По свидетельству английского посла в Петербурге Н. О'Конора, министр финансов настаивал на железной дороге до Даляняваня с тем, чтобы соорудить там главный терминал Сибирской железной дороги¹²⁰. Сам С.Ю. Витте утверждал, что его собеседник соглашался на дорогу до Жёлтого моря, но обязательно с узкой, а не широкой русской колеёй, такой же, какая была принята на строительстве трассы Тяньцзинь–Шанхайгуань¹²¹.

¹¹⁷ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.499.

¹¹⁸ Пометы С.Ю. Витте на записке М.Г. Зельманова об истории сооружения Сибирской железной дороги // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.335.

¹¹⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «По поводу заключённого между китайским правительством и Русско-Китайским банком договора на постройку и эксплуатацию железной дороги в Маньчжурии» 28 сентября (10 октября) 1896 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.253–254. Однако в этих надеждах министр финансов ошибся.

¹²⁰ Н. О'Конор – Р. Солсбери 9 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.264–276.

¹²¹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 20 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.135. Л.8 об.

Возможно, что не менее важные переговоры в тот момент происходили в другом месте. С членом китайской делегации В.Ю. Гротом, отвечавшем за финансовые вопросы, встретился глава Петербургского Международного коммерческого банка и правая рука Витте А.Ю. Ротштейн (В.Ю. Грота рекомендовал ему А.П. Кассини). Возражения В.Ю. Грота, что дорогу должна стоять китайская, а не русская компания, были преодолены взяткой в 1 млн. франков, после чего он безоговорочно принял русский вариант¹²².

После переговоров с С.Ю. Витте, 23 апреля (5 мая)¹²³ Ли Хунчжан имел секретную полтора часовую встречу один на один с Николаем II (переводчиком на ней был старший сын сановника – Ли Цзинфан). На ней, скорее всего, и обсуждались вопросы заключения союзного договора. Царь повторил уже известные аргументы, уверяя его в своих миролюбивых намерениях: у России и так много земли, поэтому нет нужды захватить ещё¹²⁴. Встреча произвела глубокое впечатление на посланника Пекина¹²⁵. Из его переписки с цзун-ли-ямынем складывается впечатление, что после этой беседы в позиции многоопытного китайского сановника наступил перелом и он внутренне склонился принять русские условия.

Пользуясь этим, на следующей встрече с Ли Хунчжаном С.Ю. Витте и А.Б. Лобанов-Ростовский более жёстко поставили вопрос о немедленном заключении соглашения о железной дороге. В русский проект по желанию посланника Пекина внесли добавление: магистраль не может служить предлогом для вторжения в Китай либо нарушения суверенных прав богдыхана. Ли Хунчжан в принципе принял предложенный ему документ, что вселило оптимизм в А.Б. Лобанова-Ростовского: «если дело выгорит – это будет великое дело»¹²⁶. Однако оставалось немало неразрешённых противоречий. Гла-

¹²² Симанский П.Н. Указ. соч. С.81; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.107–110. Но сведения о взятке приводит только Г. Лензен (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.498). Это очень походит на правду, так как после отъезда Ли Хунчжана В.Ю. Грот остался в России и впоследствии принимал активное участие в продвижении проекта КВЖД, а также в организации общества «Монголор» (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.117, 598–601).

¹²³ Н. О'Конор – Р. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.253–255.

¹²⁴ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «24 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПБ филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.268–269; Schulman I.J. Op. cit. P.154–155.

¹²⁵ С Николаем II Ли Хунчжан, по его воспоминаниям, встречался пять или шесть раз, из них только раз или два в официальной обстановке. Другие встречи проходили один на один, за стаканом чая или бокалом вина. Однако их деталей китайский сановник не сообщил (Memoirs of the viceroy Lu Hung Chang. L., 1913. P.200).

¹²⁶ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.380. Запись 1 (13) мая 1896 г.; Schulman I.J. Op. cit. P.155.

ва посольства сначала намеревался подписать только союзный договор, но С.Ю. Витте и А.Б. Лобанов-Ростовский обусловливали его одновременным заключением соглашения о железной дороге¹²⁷. Затем стороны упёрлись в другую проблему: Ли Хунчжан – сначала договор, а затем концессия; А.Б. Лобанов-Ростовский – сначала концессия, затем договор. В очередной телеграмме в Пекин Ли Хунчжан признал, что самому Китаю не построить магистраль и что, по его мнению, вопрос о дороге и союзный договор с Россией неразрывно связаны друг с другом¹²⁸. Цзун-ли-ямынь настаивал на трёх условиях: взаимопомощь на случай конфликта с Японией, открытие для плавания рек Сунгари и Хучун, Китай вносит 5 млн. таэлей в Русско-Китайский банк (чтобы получить влияние на его деятельность)¹²⁹. Ли Хунчжан получил эту инструкцию 4 (16 мая), в этот же день он отправил русские проекты на усмотрение цзун-ли-ямыня¹³⁰. Сам сановник полагал: «Россия теперь желает завести дружбу с нами. В содержании договора нет никаких особенных коварных намерений. Если мы откажемся, то, безусловно, мы раз навсегда потеряем симпатию русских»¹³¹. Сговорчивость Ли Хунчжана была подкреплена обещанием С.Ю. Витте поэтапно выплатить лично китайцу 3 млн. руб.¹³²

Однако Пекин решил внести в договор поправки: 11 (23) мая Ли Хунчжану приказали настаивать на удалении двух последних статей (право России перевозить по будущей железной дороге в Китае неограниченное количество войск и 15-летний срок секретного соглашения), а также распространить действие союза на угрозы со стороны Англии и Франции. Но ещё до получения распоряжения из Китая российская сторона 7 (19) мая заявила Ли Хунчжану,

¹²⁷ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.499–500.

¹²⁸ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «27 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.269–270.

¹²⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.500.

¹³⁰ Schulman I.J. Op. cit. P.156; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.501.

¹³¹ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «2 числа 4-ой луны 22 года Гуань-сюя» (по-видимому, 14 (26) мая) // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.271. То, что Ли Хунчжан пошёл на заключение соглашения совсем не из-за давления С.Ю. Витте, подтверждает его поведение. Так, встречаясь с британским послом в Петербурге Н. О'Конором, китаец говорил с ним о чём угодно, только не о своих встречах в России. Если же он испытывал бы необходимость освободиться от давления, то, без сомнения, прибёг бы к испытанному средству – огласил содержание переговоров с С.Ю. Витте, тем более, что соглашение ещё не было подписано (Н. О'Конор – Р.А. Солсбери 9 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.264–276).

¹³² Подробнее об этом – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.115–117. Конечно, надо иметь в виду, что не взятки определяли сам факт заключения договора и его содержание, а необходимость Китая в союзнике.

что изменения в тексте допущены не будут. 14 (26) мая в Пекине получили телеграмму от своего представителя, что если русский проект не принять целиком, то переговоры прерываются. На следующий день цзун-ли-ямынь, обсудив ситуацию, сдался, сняв всякие возражения¹³³. Получив 18 (30) мая согласие Пекина, 22 мая (3 июня) Ли Хунчжан подписал в Москве текст русско-китайского секретного договора¹³⁴.

Оборонительный союз двух империй против Японии включал в себя разрешение на строительство русской железной дороги по территории Маньчжурии до Владивостока с правом её выкупа Пекином¹³⁵. 1 (13) июня Ли Хунчжан отбыл из России в Германию. Тем не менее, после его отъезда цзун-ли-ямынь выразил недовольство, что глава посольства согласился на русский размер колеи и попытался вернуться к европейскому, более узкому стандарту, но неудачно¹³⁶. Во время пребывания на Британских островах посланец Пекина, верный принципу поиска противовеса растущему русскому влиянию, зазывал английских предпринимателей в Китай¹³⁷. Сановник, находясь в Англии, также получил выговор за уступку России земель с могилами императорских предков, рядом с которыми должна была пройти магистраль¹³⁸. В Пекине его встретили весьма сдержанно, а за самовольную остановку на отдых в одном из императорских парков по пути к богдыхану даже подвергли штрафу¹³⁹. Разумеется, за этим стояло определённое недовольство результатами его поездки.

Однако ещё требовалось добиться ратификации соглашения богдыханом. Для достижения успеха А.П. Кассини обратился за помощью к императрице. Демонстрируя серьёзность намерений, русский посланник пригрозил отъездом, если договор не будет подтверждён. Напуганная Цыси просто заставила

¹³³ Schulman I.J. Op. cit. P.160–163; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.502.

¹³⁴ Ряд обстоятельств подготовки и подписания договора изложены в мемуарах Витте (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. СПб., 2003. Кн.1. С.438–449).

¹³⁵ Союзный русско-китайский договор 22 мая 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.292–294.

¹³⁶ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.504–505.

¹³⁷ Ход Ли Хунчжана имел не самые благоприятные последствия. Одним из соблазвившихся его приглашением оказался некий Морган, который зимой 1896 г. появился в Шанхае и потребовал предоставить ему концессию на разработку руд во всём Китае. После того, как он получил от цзун-ли-ямыня отказ, делец устроил резкое объяснение с Ли Хунчжаном (Д.Д. Покотилев – А.И. Путилову 19 марта [1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.14). Всё-таки осенью 1897 г. представители Моргана попытались организовать изыскание золота в Маньчжурии – вот куда был адресован призыв китайца.

¹³⁸ СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.258–259.

¹³⁹ Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С.195.

императора против его воли ратифицировать документ. Добившись желаемого, А.П. Кассини покинул Пекин 18 (30) сентября 1896 г.¹⁴⁰

Русско-китайский союзный договор был секретным, однако он быстро получил огласку. Этому способствовала китайская сторона. Так, вскоре Ли Хунчжан во время беседы с французским посланником в Пекине О. Жераром отлучился из комнаты, «забыв» на столе свою записную книжку, в которой почему-то содержался текст тайного соглашения с Россией. Российская сторона, несмотря на то, что действовала с французами в Китае рука об руку, тем не менее, не сообщила партнёрам содержания документа¹⁴¹. 28 октября 1896 г. в китайской газете «North China Daily News»¹⁴² был ещё раз опубликован текст договора из введения, 12 статей и заключения, якобы подписанного в Пекине А.П. Кассини с китайским правительством. Эта публикация во многом повторила мартовскую статью. Документ извещал о заключении русско-китайского оборонительного союза для охраны территориальной цельности Китая и российских дальневосточных земель. За это России предоставлялось право провести часть Сибирской дороги по территории Поднебесной империи и иметь её охрану, передавался в аренду на 15 лет порт Киао-Чао, в случае войны разрешалось использование Порт-Артура и Даляняня. Китай также обязался перевести свою армию на европейский манер и привлечь для этого русских офицеров. Кроме чисто стратегических соображений, в конвенции нашли отражение экономические планы С.Ю. Витте. Якобы министр финансов желал заполучить концессии на строительство железных дорог Шанхайгуань–Мукден–Гири и Шанхайгуань–Порт-Артур по русским стандартам, а также участие в разработке горных богатств в Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, то есть добиться экономического доминирования России в Южной Маньчжурии¹⁴³.

Статья в китайской газете обратила на себя внимание советских историков. Б.А. Романов считал «конвенцию Кассини» подлинным документом, скорее всего – черновиком реальных планов России, который каким-то образом был выкраден из русского дипломатического представительства в Пекине¹⁴⁴.

¹⁴⁰ North China Daily News. 1896, October 28.

¹⁴¹ Соловьёв Ю.Я. Указ. соч. С.59. Рассказ Ю.Я. Соловьёва подтверждается донесением О. Жерара в Париж 28 марта 1897 г. (Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. С.196).

¹⁴² У Б.А. Романова – “North China Herald” за 30 октября (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135).

¹⁴³ Её содержание изложено Б.А. Романовым (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135–137). Он использовал издание: Mc Murray J. Treaties and Agreements with and concerning China, 1894–1919. N.Y., 1921. Vol.1. P.79–81.

¹⁴⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135; он же. Очерки дипломатической истории... С.44–45; Ротштейн Ф.А. История международных отношений в конце XIX века. М., 1960. С.316–317.

Ф.А. Ротштейн, установив «почти полное совпадение» опубликованного договора и действительно заключённых конвенций, решил, что это «подтверждает его подлинность»¹⁴⁵. Специально исследовавший русско-китайские переговоры 1895–1896 гг. Г.В. Ефимов, несмотря на категорическое заявление о том, что текст, опубликованный в «North China Daily News» являлся английской фальшивкой¹⁴⁶, тем не менее, признал, что основное содержание русско-китайского договора 1896 г. о КВЖД нашло в ней (фальшивке!) правдивое отражение¹⁴⁷. Почему в Китае появилась вторая публикация, подробно, хотя и не вполне точно, излагавшая содержание русско-китайского договора? Конечно, для того, чтобы снова обратить внимание на намерения Петербурга, это могло быть связано со стремлением С.Ю. Витте получить ещё и концессию на железную дорогу до незамерзающего порта на Жёлтом море. На сей раз она имела относительный успех: японский посланник в Пекине С. Учида сообщил в Токио, что по его мнению, газетная публикация содержит абсолютно правдивую информацию¹⁴⁸.

Текст русско-китайского секретного договора 1896 г. долгое время оставался недоступным для исследователей. Первым, кто добыл его и целиком перепечатал в своей книге, был П.Н. Симанский. Он процитировал документ из письма Министерства иностранных дел П.М. Лессару 25 февраля 1902 г., в котором дипломата знакомили с содержанием соглашения¹⁴⁹. Однако труд П.Н. Симанского также был секретным, распубликованным в количестве всего семи экземпляров. Российская печать после русско-японской войны писала о договоре, ссылаясь на иностранную прессу, в целом точно излагая его содержание¹⁵⁰. Больше «повезло» «конвенции Кассини»: её текст приведён в книге-

¹⁴⁵ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.316–317. Академик сослался на перепечатку «конвенции Кассини» в кн.: Drage G. Russian Affairs. London, 1904. P.663–666 с отсылкой к газете “North China Daily Herald”.

¹⁴⁶ Англичане добыли проект русско-китайского договора весной 1896 г., ещё до подписания документа. Посол в Петербурге Н. О’Конор получил в начале мая его копию из Пекина и признался, что в России ему не удалось найти никакой информации о соглашении (Н. О’Конор – Р.А. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.250–251).

¹⁴⁷ Ефимов Г.В. История русско-китайского договора 1896 г. // Советское китаеведение. 1958. №2. С.35.

¹⁴⁸ С. Учида – Ш. Окума 5 ноября 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.223.

¹⁴⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.82.

¹⁵⁰ Так поступил, например, Г.Н. Трубецкой в статье «Россия как великая держава» (Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн.1. М., 1911). Он пересказал точное содержание секретного договора, ссылаясь на публикацию в “Daily Telegraph” 15 февраля 1910 г. (С.47–48).

Лян Цичао, переведённой с китайского на русский язык в 1905 г.¹⁵¹, а также в ряде английских изданий.

Детективная судьба ожидала экземпляр соглашения, принадлежавший китайской стороне. В 1900 г. после того, как русские войска вместе с союзниками вошли в Пекин для подавления восстания боксёров, солдаты обнаружили документ в одном из императорских дворцов (императрица Цыси хранила его в особом ларце в своей спальне). Он попал в руки генерала А.М. Стесселя, был вывезен в Россию, но через несколько лет по настоянию В.Н. Ламздорфа возвращён Китаю¹⁵².

Конечно, соглашение с Россией принципиально отличалось от неравных договоров, который Китай вынужденно подписал с рядом западных держав в середине XIX века, в ходе опиумных войн. Оно оформило первый союз Поднебесной империи с европейской державой в его истории. Однако договор нельзя назвать прочным, так как он базировался на совершенно разных интересах. Если Китай искал себе союзника в противостоянии Японии, то Россия хотела бы получить от Пекина ряд уступок, облегчавших ей доступ в Поднебесную, особенно – концессию на железную дорогу в Маньчжурии. Министр финансов С.Ю. Витте намеревался сделать её частью Великого Сибирского пути с выходом к незамерзающему порту, полагая, что такая трасса станет важнейшей транспортной магистралью, соединяющей Европу и Азию. С.Ю. Витте не скрывал, что в его планах середины 1890-х гг. экономическое доминирование в Северном Китае было только первым этапом, целью же являлось господство России на всём Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Эта грандиозная задача совершенно не учитывала относительно слабые возможности российской экономики. Не удивительно, что не прошло и двух лет, как более прямолинейные коллеги С.Ю. Витте, в первую очередь министр иностранных дел М.Н. Муравьёв, перешли к силовым действиям и в декабре 1897 г. настояли на захвате Порт-Артура. Хотя в конце 1890-х гг. все военные планы России на Дальнем Востоке строились вокруг возможной войны с Японией, о существовании союзного соглашения с Китаем офицеры не знали. То есть, программы возможных боевых операций совершенно не учитывали участие в них китайской армии¹⁵³. В начале 1900 г. А.Н. Куропаткин отказался участвовать в реорганизации китайской армии. По его мнению,

¹⁵¹ Лян Цичао. Указ. соч. С.196–202.

¹⁵² Весной 1902 г. китайское правительство призналось посланнику П.М. Лессару, что у него нет подлинного текста русско-китайского договора 1896 г. (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 13 апреля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.314).

¹⁵³ Флуг В.Е. Воспоминания. Ч.1. С 1896 по 15 апреля 1898 г. // ГАРФ. Ф.6683. Оп.1. Д.1в. Л.113.

с которым согласился и Николай II, «целью наших действий в Китае должно быть не создание обученного войска, а возможное уничтожение или ослабление существующего»¹⁵⁴. Военный министр уже тогда рассматривал Китай не как союзника, а как вероятного противника в случае осложнений, например, в районе черноморских проливов¹⁵⁵. Боксёрское восстание 1900 г., поход русских войск на Пекин и оккупация всей Маньчжурии развеяли все сомнения руководства Поднебесной, с кем они имеют дело, и фактически поставили крест на союзном договоре. Несмотря на то, что формально он продолжал действовать до 1911 г., во время русско-японской войны Китай придерживался нейтралитета.

В российской историографии Китай рубежа XIX–XX вв. чаще всего предстаёт как жертва «империалистической» агрессии, как субъект политики ряда великих держав. Между тем, история заключения русско-китайского соглашения 1896 г. показывает, что и сам Пекин небезуспешно пользовался разницей в интересах «империалистов», по возможности сталкивая их лбами, и по собственной инициативе шёл на сближение с отдельными странами. Применительно к России даже сейчас трудно однозначно ответить на вопрос, кто кем манипулировал и кто кого переиграл в этих сложных комбинациях.

Подготовка и заключение русско-китайского союзного договора 1896 г. выявило также весьма важное для российской власти явление. Уже на первых стадиях этого процесса было очевидно, что политические решения принимаются не одним центром и не с единой точки зрения, а представляют собой несогласованные, а иногда и противоречащие друг другу действия, исходившие одновременно от нескольких ведомств. Отсутствие единства явилось важнейшим симптомом системного кризиса самодержавия, который в дальнейшем лишь набирал силу и в конечном счёте привел к краху дальневосточной политики имперской России.

¹⁵⁴ Всеподданнейшая записка А.Н. Куропаткина о военных инструкторах в Китае 7 февраля 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.3. Л.15–16.

¹⁵⁵ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии в XX веке // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.51.